Данталиан, Король простолюдинов 71-го ранга

01.03.1506 год по Имперскому календарю

Черные горы, окрестности Белой Крепости

Прошлой ночью пришло срочное донесение.

На донесении был трудный для расшифровки код. Смотря в кристальные шары, ведьмы убирали из слов штрихи.

Я смотрел, как ведьмы расшифровывают донесение. По мере того как штрихи собирались вместе и формировали связные слова, взгляды ведьм стали растерянными. Хумбаба прочитала строки вслух:

– … 29-й день 2-го месяца. Полное поражение. 2-я армия Марбаса разбита.

Когда Хумбаба повернулась ко мне, ее лицо было бледным. Я кивнул.

– Не останавливайся. Продолжай читать.

– … Из 15 000 отобранных элитных войск осталось примерно 9 000. Противник – альянс Империи Габсбургов и Польско-Литовского королевства. Примерное число военной мощи врага – 40 000. Это Нярисская равнина. Враг проникает все дальше. Ох! Марбас – конеголовый ублюдок. Я перейду к сути. Я продержусь 13 дней. Данталиан, ты проникаешь с тыла …

Хумбаба сглотнула.

– Это все, хозяин.

Я коснулся подбородка.

Полностью разбит и разгромлен. Это были тяжелые слова. Хотя Барбатос была девушкой, которая беспорядочно совокуплялась со мной и вульгарно смеялась, когда дело касалось войны, она становилась совершенно другой. Барбатос никогда не преувеличивала, когда речь шла о войне. Полностью разбит и разгромлен. Горький привкус наполнил мой рот.

– 13 дней, да? Барбатос сказала, что она продержится 13 дней?

– Да, хозяин.

Мне показалось, что я прям вижу взгляд суженных глаз Барбатос от того, что она сообщила мне точную дату. Это было 13 дней, значит, почти 2 недели, так что можно было бы написать две недели.

Однако Барбатос указала 13 дней. Она посчитала дни, которые сможет выстоять, и дни, которые не сможет, и сделала вывод про 13 дней. Однако это было не больше и не меньше того, а в точности 13 дней.

В соответствии со своими названиями первая армия Барбатос и вторая армия Марбаса были главными ударными силами Объединенных вооруженных сил Владык Демонов. Если бы они были смяты, то эта война была бы полностью окончена.

То, что Барбатос давала мне указания «проникнуть», означало, что она требовала от меня атаковать объединенные вражеские силы сзади, после вторжения через Белую крепость. Мы не только должны были захватить Белую крепость, но мы также должны были пройти весь путь до тылового пункта управления врага, так что крайний срок в 13 дней было просто 13 днями. Мысленно оценивая шансы на успех, я спросил:

– Хумбаба. Сколько дней нам потребуется, чтобы пойти на север от гор и достичь Нярисской равнины?

– Э, ну. Если мы будем двигаться как можно скорее, тогда четыре-пять дней…? Это будет по-настоящему трудный переход. Если мы будет двигаться, круша, сжигая и освобождаясь от всего несносного на нашем пути, тогда примерно 10 дней?

– Поскольку день уже прошел, тогда, добавив день к тем 10 дням, это составит 11 дней. Если мы добавим дни, необходимые для перехода, тогда мы должны немедленно захватить Белую крепость в течение 3, а если возможно, то 2 дней.

– Хии~, два дня. Разве это на самом деле не жесть~……?

Ведьмы что-то в отчаянии бубнили. Изначально наши силы планировали завоевать Белую крепость в течение недели. Даже неделя – это короткий срок для захвата той цитадели. Поскольку срок сократился, у ведьм просто не было слов. Два дня с этого момента это было послезавтра. Очевидно же, что ведьмы будут встревожены.

Несмотря на это я улыбнулся. Уголки моих губ искривились сами по себе.

– Я вижу, что небеса помогают нам.

– Прошу прощения?

– Примерно в это время Розенберг должен готовиться к отступлению с боем. Поскольку мы сейчас получили донесение, что Объединенные вооруженные силы Владык Демонов были полностью разбиты, тогда маркграф должен был получить его раньше. Положение маркграфа, должно быть, и так усугубило то, что я совершил, и раз выплыла наверх еще и эта благоприятная ситуация, задница маркграфа, наверно, так чешется, что он не сможет устоять

на месте.

Я встал со своего места. После того как я встал, мне показалось, что это не у маркграфа дрожит зад, а у меня самого. Ну, что же в этом было плохого? Не было никого, кто обвинил бы меня, если бы моя попа немного потряслась.

– Хумбаба, пойди найди Фарнезе и приведи ее обратно из соснового леса. Мы немедленно проведем военный совет… нет, оставь! Я лично поеду в лес. Так будет быстрее. Подбросишь меня на своей метле?

– Да. На метле вашей покорной слуги всегда есть свободное место для вас, хозяин.

Ведьмы поднялись вместе со мной в ночное небо.

Была красивая ночь с тихо кружащейся снежной крупой. Каждый раз, когда лунный свет сталкивался с небольшим кристаллом льда, рассыпались лучи. Бесчисленное количество едва разделенных лунных лучей падали на сотни тысяч кристаллов снега. И хотя была темная ночь, темнота довлела лишь над землей.

Ведьмы высадили меня у сосен. Все вокруг было тихо. Лунный свет не мог проникнуть в этот сосновый лес. 4 дня назад Фарнезе привела сюда кавалерию, чтобы залечь в засаду и ждать.

Хумбаба протяжно вздохнула.

— Уиииии.

Вскоре звук поглотила метель, и он исчез на другой стороне леса. Вслед за этим, оставляя за собой следы из снежной пыли, к нам быстро приблизилась группа кентавров. Кентавры ничего сверху не надевали, потому грудь у них была голая. Они узнали меня и преклонили передние ноги, чтобы поприветствовать.

– Где действующий генерал?

Ответа не было.

Я сморщил лоб.

Неприятный холодок пробежал по моему позвоночнику.

– Мой генерал? Где мой генерал?

♦

В месте, куда меня привели кентавры, стояла ледяная хижина.

Как только я вошел в иглу, я увидел Фарнезе, съежившуюся в углу. Даже в этом лесу, где была суровая зима, Фарнезе не одевала меховую шинель. Она была лишь в полотняной военной форме.

Когда солдаты видели Фарнезе в таком виде, они говорили, что это потому, что отец и мать зачали ее в снегу. Солдаты верили, что холод, наверно, просочился в материнскую утробу и кости ребенка, потому Фарнезе не ощущала холод даже зимой. Для солдат генерал была девушкой, рожденной зимой. Закрывшись в ледяной хижине, Фарнезе бормотала едва слышным голосом:

– … ти… ости… ти…

– Фарнезе?

– …

Фарнезе замерла.

Чувствуя, что в этом есть что-то странное, я положил руку на ее плечо, и в тот момент раздался вопль. Фарнезе сжала голову и опустилась всем телом на пол. Удивленный этой внезапной реакцией, я отступил на шаг назад.

– Прости… Прости, Отец… Прости…

Я затаил дыхание.

Моя голова остыла.

Мой позвоночник оцепенел, словно по нему шел ток.

Фарнезе, не замечая моего прибытия, продолжала бормотать.

– Прости меня, Отец. Я не сделаю этого снова… Прости меня…

Вот чертовы Боги.

Не в состоянии больше слушать это, я выбежал из иглу. Если бы я опрометчиво подошел к человеку в таком душевном состоянии, то это только ухудшило бы ситуацию. Тот факт, что я получил это знание благодаря опыту, был единственной причиной, почему я должен был благодарить Богов.

Возле иглу сотни кентавров склонили передние копыта. Глава кентавров преклонил колени впереди всех. Указывая на иглу, я спросил:

– С каких пор.

Мой голос затрясся от ярости.

– С каких пор генерал стала такой?

– С тех пор, как мы организовали скрытый лагерь в сосновом лесу…

– В чем причина?

– Э-этот командующий мало об этом знает. Генерал отлично себя чувствует в полдень, но, странно, все заканчивается вот так ночью. Кажется, словно у Мисс противоестественный страх перед соснами, потому мы построили это иглу. Поэтому ситуация немного улучшилась, но…

– Ситуация немного улучшилась?

Я кидал взгляды то на ледяную хижину, то на кентавра.

– Вы говорите мне, что ситуация улучшилась? Это улучшилась?

– …

– Скажите мне сейчас. Вы преклонили колени, чтобы молить о прощении, или вы, преклонившись передо мной, предлагаете мне отрубить ваши головы?

Плечи кентавров задрожали.

– В-ваше Высочество. Прошу вас, пощадите хоть жизнь вашего покорного слуги…

– Почему вы не сказали мне раньше?

– Генерал молила нас никогда не сообщать Вашему Высочеству, потому…

Я обнажил длинный меч на поясе и отрубил кентавру голову. Из его шеи брызнула кровь. Темно-красная кровь разбрызгалась по чистому белому снегу.

Я посмотрел вокруг и сказал.

– Я – ваш господин. Не забывайте это.

Кавалерия из кентавров склонила головы еще ниже. Оставив их, я снова зашел в иглу.

Фарнезе все еще бормотала вперемешку со всхлипываниями.

– Фарнезе.

Я подошел к Фарнезе и взял ее голову. Я едва мог установить с ней зрительный контакт.

– Фарнезе. Это я. Данталиан.

– Простите меня… простите меня, я совершила ошибку…

– Я не твой отец. Посмотри внимательно, Фарнезе. Посмотри на меня. Я не твой отец. Я не буду бить или насиловать тебя. Я не буду закрывать тебя в библиотеке и подавать еду через отверстие в двери.

Я шептал в отчаянии.

– Я не буду морить тебя голодом лишь потому, что ты была непослушная. Я не буду сжигать или рвать книги, которыми ты дорожишь. Фарнезе, я не твой отец. Я Данталиан. Данталиан.

– …

– Ты больше не незаконнорожденный ребенок, связанный со своей семьей. Никто не может заточить тебя. Ты тут. Ты мой вассал. Я твой господин. Держись. Покуда ты не предашь меня первой, я никогда не покину тебя.

Глаза Фарнезе медленно сфокусировались.

– Гос… подин…?

– Правильно.

– С-сосны…

Фарнезе задрожала.

Кажется, она забыла, как ронять слезы, потому могла плакать лишь своим голосом.

– На соснах сидело так много цикад… они продолжали плакать… отец этой молодой леди… эта молодая леди, снова и снова…

– …

Вот оно что.

Дерево, которое Фарнезе видела через окно, когда была маленькой, было такое же, как деревья тут.

Я заглянул Фарнезе глубоко в глаза.

– Это не звук цикад. Тут цикад нет.

– Но они продолжают… звук цикад, без конца…

– Это не звук цикад. Это звук снега. Фарнезе, сейчас ты путаешь звук снега с криками цикад. Из-за твоих воспоминаний, которые привязаны к соснам, эти воспоминания – причина этой ошибки.

– Нет, господин… это не… это не может быть…

– Я докажу тебе.

Я схватил запястье Фарнезе и потянул ее. Хотя Фарнезе боролась, чтобы не покидать иглу, я насильно вытянул ее. Фарнезе знала, кем я был. Это значило, что проблема с ее когнитивной функцией была не так велика. Тот момент, когда ее обычные знания и ее смешавшиеся воспоминания сталкивались, был оптимальной возможностью. Именно в этот момент я должен был воспользоваться ее текущим восприятием, чтобы разрушить ее воспоминания о прошлом.

Вьюга завывала, продувая пространство между соснами. Фарнезе не поднимала головы и старалась никуда не смотреть. Я взял подбородок Фарнезе и заставил ее посмотреть прямо на

окружающую местность.

– Посмотри перед собой. Сейчас зима!

– …

– Цикад нет. Это были галлюцинации, которые ты сама создала. Разве звук снега и крики цикад звучат для тебя одинаково? Посмотри внимательно, Фарнезе. Раскрой глаза и ясно узри окружающую среду. Ты 16-летняя девушка. Если тебе 16, тогда ты чертовски взрослая. Как долго ты будешь стонать, потому что привязана к своему отцу-ублюдку!?

Я снова встретился взглядом с Фарнезе. Зрачки Фарнезе дрожали. Однако это было не вздрагивание глаз, неспособных видеть, а вздрагивание глаз, которым еще предстояло найти центр.

– Ты больше не жертва. Ты – нападающая сторона. Ты больше не часть того слабого, которого оскорбляют, ты часть сильного, который оскорбляет. Если кто-то пытается забрать твою жизнь, тогда убей его прежде, чем он доберется до тебя первый. Это просто. Если этот кто-то твой отец, убей своего отца, а если этот кто-то Бог, тогда убей и Бога.

– Господин…

– Все, что тебе нужно сделать, это забрать их жизни.

– Но, если Ваша Светлость выбросит эту молодую леди… тогда эта молодая леди снова.

– Не веди себя, как разбалованный ребенок.

Фарнезе передернулась.

– У меня нет хобби поднимать разбитых кукол.

– …

Медленно.

Понемногу дрожь Фарнезе утихла.

Я не мог сказать, прошло 30 минут или час. За исключением того, что благодаря наложенному ведьмами барьеру вокруг нас мы не замерзли. Фарнезе открыла рот.

– Господин… холодно…

– Ты немного пришла в чувства?

– Эта молодая леди не уверена…

– Звук цикад все еще отдается у тебя в ушах?

– Чуть-чуть… но уже намного лучше, чем раньше.

– Считай, что тебе повезло, что я нашел тебя раньше Лазурит. Если бы это была Лазурит, она схватила бы твою голову и закопала ее в снег.

– А, ах. Если бы это была мисс Лазурит, то это, конечно, было бы возможно—

Я толкнул затылок Фарнезе и мгновенно макнул ее лицо в снег. Фарнезе изо всех сил замахала руками.

Через 4-5 секунд я поднял затылок Фарнезе обратно. С «Фух» Фарнезе вздохнула. От бровей до носа все ее лицо было покрыто снегом. Я усмехнулся.

– И, кажется, на ум приходит, что Лазурит продолжала бы тебя спрашивать дальше. Я спрошу снова. Ты вернулась к чувствам? Или мне нужно засунуть тебе еще опиум в рот, чтобы в твоей голове прояснилось?

– … Я вижу, что личные качества у Вашего Высочества как у пса.

– О? Ты наконец ругнулась. Искренне поздравляю. Мне было довольно любопытно, когда ты наконец научишься сквернословить.

Отпустив ее голову, я вытер ее лицо краем одежд. Она подняла шляпу, упавшую наземь, и обтрусила ее.

– … Какие ругательства нужно говорить, чтобы достаточно выпустить свои чувства в подобной ситуации? Ваша светлость человек, который заявляет, что знает все, значит, вы должны хорошо это знать.

– Конечно. Если ты тихо скажешь «черт», тогда все будет здорово.

– Правильно. По ощущениям это «черт».

Фарнезе вздохнула.

Наконец пришло время подобраться к главной теме.

– По какой причине Ваша Светлость проехали весь этот путь к этой молодой леди?

– Вторая армия, которой командовал Марбас, полностью разгромлена.

– …

Фарнезе посмотрела в моем направлении.

Холодный блеск вернулся в ее глаза.

– … Тогда маркграф должен готовиться для отступления с боем.

– Я тоже так думаю. Как его выманить. Чтобы обсудить эту тему, я и приехал сюда, чтобы точить с тобой лясы посреди ночи.

– Мм. Маркграф – бывалый воин, очень осторожный. Даже если мы сделаем вид, что отступаем, маловероятно, что он просто погонится за нами. Определенная достоверность, мы должны заронить такое убеждение, которое уверит его, что преследовать наши силы – хорошо…

Фарнезе сплюнула на землю. Кажется, она избавлялась от снега, который попал ей в лицо секунду назад. Я объяснил Фарнезе остальную ситуацию.

– Из-за поражения Марбаса Барбатос осталась в изоляции. Захватив за два дня Белую крепость, наши силы должны отправляться безотлагательно на север. Это возможно?

– …

Фарнезе сузила глаза.

– Не два дня, господин. Сегодня ночью крайний срок.

– Сегодня ночью?

– Ах, есть две ситуации, которых маркграф боится больше всего. Первая – это поспешное бегство в тот момент, когда мы получим срочное донесение и сможем исчезнуть целыми и невредимыми. Вторая – когда маркграф преследует нас, в то время как мы неторопливо отступаем, и терпит поражение, попавши в засаду. Это два самых худших исхода для маркграфа. Первая ситуация позволяет врагу, убегающему прямо на глазах, исчезнуть, потому это продемонстрировало бы неверность, а вторая – это поражение от врага и падение, что означало бы конец жизни.

– Продолжай.

– Сегодня пришло срочное донесение. Пришло только что, господин. Маркграфу еще нужно решить, чего он боится больше: неверности или смерти. Как только эта ночь пройдет и настанет рассвет, суждения маркграфа медленно прояснятся. Эта смутная ночь, когда маркграф все еще не уверен касательно своих страхов, для наших сил это самая благоприятная возможность. Если бы мы упустили этот шанс сегодня, тогда выманить маркграфа в будущем стало бы почти невозможно.

Фарнезе смахнула снег и встала.

Фарнезе посмотрела на ведьм, окруживших нас. Она тихо сказала:

– Господин. Давайте забросим наживку.

http://tl.rulate.ru/book/378/44961